

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: golovko@philosophy.nsc.ru

НАУКА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО? *

Цель работы – попытка представить науку в качестве общественного блага. С одной стороны, наука становится объектом общественного управления, что отвечает задачам усиления конкурентоспособности общества перед лицом вызовов глобализации. С другой – открывается возможность закрепления проекта эпистемологической модернизации общества.

Ключевые слова: общественное благо, общественное понимание науки, гражданское общество, научная политика, политическая социология науки.

Наука – единственная область познания, гарантирующая объективный и прикладной характер знания. Однако не истинность знания, а социальные нормы, принятые в профессиональном сообществе, являются тем, чем руководствуются ученые в своей практике [Fraassen, 2002; Ladyman et al., 2007]. Исследование профессиональных норм, анализ социологии науки, неизбежно приводят к более широкому контексту, включающему различные культурные аспекты анализа науки, такие как общественное понимание науки или соотношение между наукой и неолиберальными моделями функционирования глобализирующегося общества. Цель экспликации науки как общественного блага состоит в том, чтобы представить науку объектом общественного управления, в частности, в рамках модели гражданского общества. В условиях усложняющегося глобализирующегося мира, основания подобного расширения интерпретации науки, в том числе, обусловлены

предположением, что социальные механизмы функционирования гражданского общества способны справляться с задачами, например, усиления конкурентных преимуществ лучше, чем традиционные механизмы государственной политики. Вопрос о том, кто и зачем платит за научные исследования в современном мире (в том числе – фундаментальные), связан не только с выработкой новых механизмов государственного регулирования развития науки и технологии в глобализирующемся мире с целью утилитарного потребления результатов, но и с формированием адекватного общественного понимания науки, с целью закрепления представления о науке как о ключевом (ядерном) культурном образце и соответствующих поддерживающих механизмах в рамках модели гражданского общества. Предполагается, что возможность экспликации науки как общественного блага (в соответствии с поставленной целью) можно показать, опираясь на следующие моменты: особые характеристики понятия обществен-

* Статья представляет собой расширенную версию доклада, прочитанного на конференции «Социально-экономические и технологические инновации в глобализирующемся мире: механизмы и институты» (2–5 ноября 2011 г., Национальный институт науки, технологии и развития, Нью Дели, Индия). Статья также является первой работой в рамках авторского проекта, посвященного теме общественного понимания науки.

ного блага; наличие механизмов общественного управления, регулирующих уровень потребления общественных благ в рамках модели гражданского общества в условиях глобализирующегося мира; исключительный характер науки и научного знания в современном обществе.

Ниже мы рассмотрим определение общественного блага и подчеркнем необходимость расширения представления об общественном благе и закрепляющих его механизмах в силу возникновения новых условий формирования глобальной модели общества. Далее мы коснемся ряда вопросов о соотношении науки и процессов глобализации, с целью подчеркнуть значимость политической социологии науки как нового направления исследований, направленного на анализ взаимодействия науки и общества и выявление механизмов общественного управления наукой. В заключение отдельно рассмотрим проект общественного понимания науки с целью иллюстрации того, что в настоящее время уже имеются социально-значимые проекты, которые могут выступать в качестве основы для закрепления исключительной роли науки как общественного блага и результатом дальнейшего развития которых могут быть более общие стратегии, способные преодолеть политические, дисциплинарные и институциональные барьеры и связать сообщество профессионалов, государственную политику в области регулирования науки и технологии, а также общественные механизмы, направленные на корректировку этой политики.

Что такое общественное благо?

Принято считать, что понятие общественного блага является одним из терминов, чаще всего встречающихся в экономических теориях, однако философы, в частности, разбирающие проблемы утилитаризма, давно обратили внимание на проблему иррациональности альтруистического поведения индивида, участвующего в коллективном действии [Tuck, 2008]. По определению, общественное благо обладает двумя основными характеристиками – общедоступностью (*non-rivalry*) и неисключаемостью (*non-excludability*). В рамках экономического дискурса это значит, что пользование общественным благом не может повлиять на его «цену», она одинакова для всех и всегда,

и что индивида нельзя оградить от пользования общественным благом, даже несмотря на то, платит ли он за пользование, либо что издержки, связанные с тем, чтобы оградить индивида от пользования общественным благом, неоправданно велики. В нашем случае, исключая очевидные примеры, когда пользование общественным благом нельзя устранить (дневной свет Солнца, ночное небо и т. д.), можно отметить, что потребление общественных благ не является прерогативой определенных действий индивида, а определяется обществом, т. е. их потребление обеспечивается управляющими структурами государства (правительством), и что в отношении общественных благ нельзя применить классическое экономическое понятие рынка. В данном случае классическое понятие цены не применимо, так как количество товара (блага) на нее не влияет. Более того, поскольку индивида нельзя исключить из потребления общественного блага, то он будет стремиться платить за пользование общественным благом как можно меньше. В общем случае, индивид будет стремиться бесплатно пользоваться общественным благом и всеми преимуществами, которые благу сопутствуют. Важность государственной политики в области предоставления и потребления общественных благ подчеркивается тем, что частная организация по определению не в состоянии независимо обеспечить необходимый уровень предоставления общественного блага, поскольку для нее решение вопроса об экономической эффективности и целесообразности «продажи» блага затруднено. Предоставление общественного блага, как и поддержание его потребления на соответствующем уровне, требует некоторого коллективного взаимодействия индивида, общества и государства.

Следуя экономической риторике и представлению об «идеальном соревновании» (*perfect competition*), М. Олсон предложил один из первых вариантов оценки понятия общественного блага в области анализа рациональности действия [Olson, 1965]. В экономике понятие идеального соревнования применяется, когда вклад каждого из агентов на рынке настолько мал, что ни один из агентов не в силах повлиять на механизм ценообразования. Классический пример, рассматриваемый М. Олсоном, – закупочные цены на зерно в Канаде. В дан-

ном случае, цена полагается никак не связанной с выработкой отдельного фермерского хозяйства и устанавливается исходя из каких-то принципиально внешних соотношений. По аналогии, М. Олсон предполагает, что участие индивида в коллективном действии, например в голосовании в пользу определенной политической партии, также не имеет инструментального основания, т. е. не имеет той эффективности, которую люди обычно, находясь внутри коллектива, связывают с действием. Если говорить о голосовании и выборах, то вклад, который вносит один голос избирателя, настолько незначителен, что индивид вправе не участвовать в голосовании, так как результат голосования от его голоса практически не зависит. Соответственно, с инструментальной точки зрения, участие в коллективном действии иррационально, поскольку индивидуальный вклад не оказывает воздействия на результат. Естественно, отсюда не следует, что сама идея коллективного действия провальна, однако оценка коллективного действия не может использовать представление о непосредственной причинной связи между индивидуальным действием и результатом. Как правило, вместо последнего предполагаются либо внешний аппарат принуждения к действию (обязательная система голосования в Австралии), либо моральные обязательства, заставляющие индивида действовать независимо от последствий (религиозные предписания), либо холистическая интерпретация индивида – участника коллективного «мы», действия которого осознаны и отражают определенный уровень лояльности (гражданское общество). Философская сторона дискуссии заключается в том, чтобы ответить на вопрос, почему индивид должен отказаться от удовлетворения собственных интересов в пользу коллективных, каковы условия, при которых индивид должен заставить себя участвовать в коллективном действии.

Незначительность индивидуального вклада в результат коллективного действия была основанием концепции понимания общественного блага, предложенной М. Олсоном. Однако анализ простейших примеров общественных благ, таких как начальное и среднее образование или здравоохранение, показал, что модель М. Олсона ограничена, так же как ограничено понятие идеального соревнования. Общество само за счет внут-

ренних механизмов регулирования и распределения благ и, в определенной степени, независимо от государства, способно мотивировать участие индивида в коллективном действии. Прежде чем перейти к анализу механизмов общественного управления общественными благами, что и позволит нам сделать определенные выводы относительно уместности интерпретации науки как общественного блага, обратимся к тем изменениям, которые произошли в обществе в связи с интенсификацией процессов глобализации за последние полвека. Во-первых, любой анализ общественных отношений в настоящее время не может не включать влияние такого многофакторного явления, как глобализация; во-вторых, само понятие общественного блага, на наш взгляд, окончательно теряет признак теоретического, если мы готовы говорить о глобальных, т. е. ответственных и отвечающих интересам всех людей на Земле, общественных благах.

Глобализация и общественные блага

Термин «глобализация» исключительно нагружен. Следуя популярной интерпретации, глобализация обозначает процесс глобальной интеграции, который, по крайней мере, характеризуется: либерализацией экономики, американизацией в культурной и политической жизни и информационной революцией, например, говоря о развитии сети Internet и информационных технологий. Открытость национальных границ приводит к тому, что область общественных отношений в каждом государстве претерпевает, не всегда безболезненно, определенные изменения. Как следствие, например, доступность общественных благ в каждом отдельно взятом районе планеты зависит не только от локальной политики и отношений, но и от решений и установок, принятых вне заданного региона. Более того, одни и те же общественные блага могут иметь совершенно иную оценку в различных странах и культурах. Соответственно, одни и те же общественные блага не оказывают одного и того же влияния на различные страны и всех индивидов. Учитывая, что доступность и распределение общественных благ – это сложный процесс, включающий взаимодействие индивида, общества и государства, а также ограниченный характер общественных и государственных отношений, кото-

рые, по разным причинам, могут не быть нацелены на поддержание определенных общественных благ на достаточном уровне их потребления, проблема недораспределения общественных благ в глобальном контексте вполне реальна. В то же время глобальные или глобализированные общественные блага, по определению, оказывают существенное влияние в буквальном смысле на весь мир: охватывая все исторически обусловленные группы стран и культур; воздействуя на локальные и национальные нормы; затрагивая всех людей и изменяя будущее, например, формируя уровень потребления общественных благ современным обществом и закладывая основания и возможности для их потребления грядущими поколениями. Данные обстоятельства обуславливают важность исследования и дополнительное содержание понятия глобальных общественных благ.

Процесс «производства» общественных благ стал в значительной степени более сложен, как только этот процесс и сами блага оказались глобальными, вследствие проходящих процессов глобализации. Глобализация приводит к тому, что отдельная страна или группа стран уже не в состоянии самостоятельно производить определенные общественные блага и затем распространять их на весь мир. Международное сотрудничество становится ключевым моментом формирования государственной политики, например, в отношении угрозы терроризма, распространения заболеваний или изменений климата. Именно несоответствие системы отношений, производящей общественные блага, системе отношений, распределяющей общественные блага, является основной проблемой общественных благ в современном глобализирующемся обществе [Kaul et al., 2003]. Определенные надежды на выход из сложившейся ситуации могут быть связаны с развитием негосударственного уровня регулирования производства и потребления общественных благ. Как уже отмечалось, государственные структуры могут быть ангажированы различными интересами, в том числе, препятствующими доступности определенных глобальных общественных благ. В то же время негосударственные регулятивные механизмы, контролирующие отношения индивида и общества, в данном случае, могут быть более гибкими. Тем более, что глобализация дает возмож-

ность негосударственным структурам «преодолеть» национальные границы, и тем самым появляется возможность воздействовать на национальную политику одновременно и «изнутри», и «снаружи», формируя систему международных отношений в наиболее продуктивном ключе.

Естественно, многое будет зависеть от «природы» рассматриваемого общественного блага, от механизмов, поддерживающих воспроизводство общественного блага на достаточном уровне и его потребление, а также от способности общества генерировать негосударственные структуры, обеспечивающие функционирование этих механизмов. Важность интерпретации науки как общественного блага не вызывает сомнений, однако возможность негосударственного сектора оказывать воздействие на государственную политику в области науки и технологии все еще незначительна. В целом, государственная политика нацелена на науку, как на основание, например, для обретения конкурентного преимущества, т. е. можно сказать, что система отношений, воспроизводящая общественное благо, в каком-то смысле отлажена. В то же время система отношений, распределяющих и поддерживающих уровень потребления общественного блага, развита незначительно, что, в частности, может приводить к отсутствию адекватной обратной связи.

Глобализация и наука

Очевидно, что анализ взаимоотношения процессов глобализации и получения научного знания должен включать в себя определенное социологическое исследование, например, в рамках социологии науки. В общем случае, подобное исследование должно учитывать политические, экономические и организационные основы науки, а также принимать во внимание несколько ключевых процессов, отражающих современную ситуацию «вокруг науки», таких как: расширение взаимодействия между фундаментальной и прикладной наукой; усиление влияния науки на политику в области регулирования технологического развития и другие сферы регулирования; или изменение отношения между наукой и обществом в целом. В настоящее время можно говорить о возникновении политической

социологии науки [The New Political Sociology..., 2006].

Основная область исследования политической социологии науки – внеинституциональное измерение науки. В отличие от институциональной социологии науки, которая сосредоточена на внутренних механизмах функционирования науки [Merton, 1973], или от социологии научного знания, сосредоточенной на микросоциологии сетей и отношений, сопутствующих получению знания [Science Observed, 1983], политическая социология науки занимается анализом архаических структур и отношений, которые одновременно и автономны, и испытывают влияние со стороны различных «вне-научных» факторов, а в целом отражают самоорганизацию и характерное самоуправление республики ученых. В данном случае, автономность естественным образом следует из внутренней логики развития научного знания, а «вне-научные» факторы относятся к политическим, экономическим и другим социальным измерениям современного общества. Следуя принятой идеологии, не существует такой вещи, как «научный метод», т. е. фактически нельзя подобрать набор правил выводов, который был бы присущ только науке [Ladyman et al., 2007]. Все правила вывода и схемы рассуждений, которые традиционно относят к научным, не являются эксклюзивно научными. Наука отличается от не-науки именно наличием определенных институциональных норм, например, требованиями рецензируемости (peer review) или четкости представления результатов с точки зрения соотношения теории и данных (эвристики) и т. д. Причем эти институциональные нормы сами в достаточной степени обоснованы, например, нашими представлениями о возможностях и ограниченности индуктивного метода получения знания. Более того, институциональные нормы могут быть сознательно усилены или изменены с целью получения определенных преимуществ, например, требованиями достижения более строгого, взвешенного и содержательного результата. Наличие подобных институциональных норм – как раз и является основанием приложения различных «вне-научных» факторов. В частности, одним из наиболее значимых таких факторов является востребованность науки в обществе, не только в технологическом, но главное – в эпистемологическом плане. По-

скольку наука – это всего лишь набор институциональных норм, основная роль которых – отсеивать ошибки и тем самым приближать познание объективной реальности, то наука принципиально лишена альтернатив (таких, как теология или любая другая спекулятивная метафизика). Абсолютный (в эпистемологическом плане) характер науки является одним из вариантов реализации «вне-научных» факторов, управляющих институциональными нормами, в соответствии с определенным запросом общества. Во второй половине XX в. Ю. Хабермас специально ввел термин «сциентизм» для того, чтобы закрепить идеологию общественных отношений, подчеркивающую приведенный абсолютный характер науки, – «участники общественных отношений, выполняя общественно-значимые функции, должны придерживаться только научных рекомендаций» [Habermas, 1971]. В настоящее время развитие идей сциентизма привело, например, к возникновению таких понятий, как «общество знаний» и «экономика знаний», в рамках которых общество по определению опирается на науку и технологию. Более того, ряд исследователей вводят термин «эпистемологическая модернизация», с одной стороны, для того, чтобы подчеркнуть возрастающую роль науки в обществе, а с другой – чтобы подчеркнуть усиливающуюся роль социального контекста и общественного управления в области науки и технологии, который отражают конкретные запросы общества и приводят к возникновению новых форм участия общества в развитии науки и технологии [Hess, 2007]. Говоря о политической социологии науки, эпистемологическая модернизация указывает на факторы, которые приводят к новым формам общественного управления наукой, в том числе факторы, вызванные глобализационными процессами и желанием общества активно вмешиваться в организацию политики регулирования в области науки и технологии.

Один из наиболее ярких примеров реализации сциентистской идеологии – переход в области регулирования развития науки от государственной модели к более широкой, включающей представление о заинтересованных негосударственных агентах (stakeholder governance). В рамках государственной модели легитимность регулирования является следствием легитимности власти,

а функция корректировки государственной политики в ответ на изменяющиеся запросы общества отводится, например, общественным слушаниям [Kleinman et al., 2007]. В то же время негосударственная модель предполагает выполнение нескольких условий [Swyngedouw, 2005]. Несмотря на то, что негосударственная модель регулирования является единственной моделью регулирования отношений, которая по-настоящему реализует интересы общества, в реальном секторе экономики, который по определению является основным объектом для государственной модели регулирования, возможности негосударственных агентов для участия в регулировании ограничены. Эффективность негосударственного регулирования напрямую зависит от того, кто определяет, какие именно негосударственные агенты участвуют и как достигнутые результаты отразятся на реальном изменении политики. Следуя неолиберальной модели социальных отношений, государственное регулирование должно быть ограничено, однако опасности необходимых изменений, в целом, также отвечают проблемам самой неолиберальной модели.

Основной объект исследования политической социологии науки – отношения между наукой и государством, а также между наукой и производством. Одним из следствий тезиса о необходимости либерализации государственной политики и усиления роли гражданского общества в области регулирования отношений между государством, обществом, наукой и индустрией является передача авторитета науки обществу. Профессиональное сообщество больше не является единственным агентом, закрепляющим отношение науки и общества, в рамках гражданского общества таких агентов может быть много. Это могут быть различные общественные организации (Greenpeace) или объединения лоббистов, в частности, бизнес-структур, заинтересованных, например, в ускорении применения результатов научных исследований на практике (идеология создания бизнес-инкубаторов и технопарков), и т. д. Таким образом, возвращаясь к разговору об общественных благах в настоящее время, анализируя изменяющиеся отношения между наукой и обществом, мы можем закрепить реальные механизмы, которые отражают представление о воспроизводстве и поддержании уровня потребления науки

как общественного блага. Более того, хорошим примером, закрепляющим идеологию исключительной роли науки как общественного блага, в наши дни является проект общественного понимания науки (public understanding / awareness of science).

Проект общественного понимания науки

Принято считать, что новый тип отношений между наукой и обществом впервые был закреплен в докладе Бодмера¹. Среди множества идей, отмеченных в докладе, получивших впоследствии свое развитие, в частности, говорится, что лучшее понимание науки в обществе играет одну из основных ролей в его (общества) развитии, поскольку способствует улучшению качества принимаемых решений, как на уровне отдельных индивидов, так и на уровне всей страны. Задача углубления понимания науки в обществе – это реальные «инвестиции в будущее», которые требуют продуманной государственной политики. Более адекватное понимание науки, в частности, закрепление характерных для нее представлений о вероятностном характере знания и процедурах его проверки и обоснования, о качестве имеющихся эмпирических данных и возможностях их теоретического обобщения и т. д., может значительным образом оказать влияние на качество принимаемых решений, и не потому, что опора на научное мировоззрение автоматически обеспечивает правильное решение, но, главным образом, потому, что решение, принимаемое в свете более четкого понимания науки, заведомо лучше, чем решение, принятое без надлежащего уровня понимания, поскольку принимающий решение является более информированным и подготовленным к тому, чтобы анализировать качество и последствия решений.

Наука и технология играют определяющую роль в большинстве аспектов повседневной жизни. Однако их понимание должно включать не только содержание научного знания (планеты вращаются вокруг Солнца), но и понимание социальных аспек-

¹ The Public Understanding of Science (1985) / Ed. by W. Bodmer. URL: <http://www.royalsociety.org/WorkArea/DownloadAsset.aspx?id=5971> (дата обращения: 12.09.2011).

тов науки. В условиях глобализации общество будет более конкурентоспособно, если будет опираться на развитие науки и технологии. В настоящее время проект общественного понимания науки нашел широкую поддержку в академической среде передовых стран Запада (в частности, проекты COPUS в США, SAPE в Великобритании, ANCPAS в Австралии и пр.) и направлен, в первую очередь, на формирование в различных слоях общества и уровнях его организации (на индивидуальном, на уровне школьного и университетского образования, на уровне медиа-культуры, на уровне индустрии и реального сектора экономики, на уровне академий наук и правительств) адекватного представления о содержании и пределах науки, научного метода и научного мировоззрения. Необходимость проекта общественного понимания науки главным образом обусловлена тем фактом, что люди вовлечены в процессы принятия решения. «Наука» в данном случае это просто подход к систематическому исследованию окружающего мира, дающий возможность применять полученные знания на практике. «Общество» при этом – главным образом непрофессиональное сообщество, участвующее наравне с другими агентами в воспроизводстве и потреблении общественных благ в рамках модели гражданского общества. Естественно, общество стратифицировано и для каждого паттерна могут быть свое понимание важности понимания науки и различные подходы к достижению этого понимания. В определенном смысле, уровень необходимого понимания зависит от целей, например, от осознанного уровня ответственности индивида, принимающего решение. Правительство должно понимать связь между фундаментальной и прикладной наукой, невозможность получения «быстрых результатов», необходимость сопоставления поставленной задачи и возможностей коллектива и, например, мультипликативный эффект увеличения / уменьшения затрат на науку. В то же время отдельные граждане, принимая во внимание модель нелиберального гражданского общества, также нуждаются в понимании науки, и не только для того, чтобы оказывать влияние на государственную политику в области развития науки и технологии. Понимание науки необходимо, например, для того, чтобы осознать последствия введения

в широкое распространение генномодифицированных продуктов или необходимость сберегающих экологию технологий. Апелляция к пониманию науки не приведет к выбору лучшего решения автоматически, однако индивид будет в состоянии оценить именно качество и последствия принятия решения. Расцвет, например, альтернативной медицины и различных форм религиозного мракобесия является прямым следствием именно недостаточного понимания науки, ее метода и возможностей. Наилучший результат проекта общественного понимания науки – это воспитание способности отличать «правильное» от «неправильного», отвечающей вызовам современного мира.

Таким образом, говоря о необходимости интерпретации науки как общественного блага, кроме поддерживающих механизмов, которые обеспечивает гражданское общество для либерализации государственной политики, можно также отметить социальную функцию науки – улучшение качества принимаемых решений как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Наука, понимаемая как общественное благо, становится объектом общественного управления, и это, с одной стороны, отражает интересы общества, пользующегося ее результатами, а с другой – формирует идеал сциентизма. Наука как общественное благо общедоступна в силу особенностей регулирования социальных отношений в рамках гражданского общества и неисключаема в силу своей особой социальной функции. Ученые давно покинули Башню из слоновой кости и успешно сформировали Республику ученых, однако перед лицом глобализирующегося мира необходимо сделать следующий шаг – превратить науку в общественное благо и тем самым закрепить проект эпистемологической модернизации общества.

Список литературы

- Fraassen B. van.* The Empirical Stance. New Haven: Yale Univ. Press, 2002.
- Habermas J.* Toward a Rational Society: Student Protest, Science, and Politics. Boston, MA: Beacon Press, 1971.
- Hess D.* Alternative Pathways in Science and Industry. Cambridge, MA: MIT Press, 2007.

Kleinman D., Powell M., Grice J., Adrian J., Lobes C. A Toolkit for Democratizing Science and Technology Policy: The Practical Mechanics of Organizing a Consensus Conference // *Bulletin of Science, Technology, and Society*. 2007. Vol. 27 (2). P. 154–169.

Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J. Every Thing Must Go. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2007.

Merton R. The Sociology of Science. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1973.

Olson M. The Logic of Collective Action. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1965.

Providing Global Public Goods: Managing Globalization / Eds. I. Kaul, P. Conceicao,

K. Le Goulven, R. Mendoza. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2003.

Science Observed / Eds. K. Knorr-Cetina, M. Mulkey. Beverly Hills, CA: Sage, 1983.

Swyngedouw E. Governance Innovation and the Citizen: The Janus Face of Governance-Beyond-the-State // *Urban Studies*. 2005. Vol. 42 (11). P. 1991–2006.

The New Political Sociology of Science / Eds. S. Frickel, K. Moore. Madison, WI: Univ. of Wisconsin Press, 2006.

Tuck R. Free Riding. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2008.

Материал поступил в редколлегию 20.10.2011

N. V. Golovko

**SCIENCE IN THE GLOBALIZED WORLD:
PROFESSIONAL ACTIVITY OR PUBLIC GOOD?**

The paper aims to illustrate the possibility of treating science as a public good. On the one hand, science becomes a subject of public management. A better understood and managed science makes the society facing the challenges of globalization more competitive. On the other hand, it gives additional support to the idea of epistemic modernization of the contemporary society.

Keywords: public good, public understanding of science, civil society, science policy, political sociology of science.